

© И.А. Морозов

ПИЩА “БОГАТАЯ” И “БЕДНАЯ”: ПИЩЕВЫЕ МАРКЕРЫ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИЕРАРХИЙ

Ключевые слова: пища как социокультурный маркер, пищевая норма в традиционном обиходе, голод как социокультурный регулятор

В статье проанализированы традиционные представления о “богатой” и “бедной” пище, напрямую связанные с социокультурными стратификациями. В народной терминологии, описывающей праздничные застолья (“богатый”, “щедрый”, “большой” стол), отражено понимание “изобилия” как “Божьей благодати”. Важную роль социокультурного регулятора выполнял голод, который существенно изменял наполнение понятий “богатый” и “бедный” и являлся катализатором процессов социального расслоения, распада большой патриархальной семьи и оттока сельского населения в другие регионы.

Хорошо известно, что пища является важным этнокультурным признаком и часто используется как способ национальной, этнической или культурной идентичности как в культурах традиционного типа, так и в современных обществах (Геннеп 1999: 32–33, 38–39 и др.; Зеленин 1994: 48, 78–80; Шмелева 1995; Хлеб 2004 и др.). Вместе с тем те или иные блюда или типы пищи (назовем их “*пищевыми маркерами*”) могут выступать в качестве важного отличия при характеристике тех или иных социальных групп и страт и в некоторых ситуациях быть их символическими презентациями (см., напр.: Лотман 2002: 255–319). Как качество, так и количество потребляемой пищи может характеризовать социальную группу и отдельных ее представителей. В этом смысле особое классифицирующее значение имеют семейные и общественные застолья, которые помимо утилитарной (насыщение) выполняют и презентационную функцию, подчеркивая составом и изобилием блюд статус хозяев.

Понятие “изобилие” отсылает нас к народным представлениям об “изобильном рае” (Морозов, Фролова 2000). В фольклорном сознании “изобилие” устойчиво ассоциируется с такими фундаментальными для традиционного быта благами, как *скот* (в первую очередь – поголовье скота, его количество), *большая семья* (прежде всего – множество детей, “потомство”), *богатый урожай* (что передается обычно образами огромных копен и снопов в жнивных песнях и колядках), а также избыток, множество *еды – питья*. В народных магических формулах, призванных спровоцировать хороший приплод скота и птицы, обильный урожай или надой (формулы сравнений-провокаций или *quomodo*-формулы), т.е. достаток и изобилие, используются идиоматизмы со значением большого количества. “Изобилие” воплощается в *полноте* – не только в прямом значении: в *тучности* (“дородная баба”; ср. в том числе “тучные стада”), но и в переносном значении: в *наполненности*, избытке. Это отражено в выражении “у него дом – полна чаша”, а также подблюдных песнях типа: “Растворила квашоночку на донушке, / Стала наутро с краем наравне” – “к хорошей, богатой жизни” (ср. с обычаем наливать во время застолья чару с краями наравне, что символизирует достаток в доме). Само же понятие “полноты” напрямую связывается с

плодовитостью и плодоносностью, в частности, с беременностью, что получает отражение в традиционной обрядности.

Сложность достижения изобилия в настоящем предполагает связь его с иным миром и наделение свойством *изобильности всего потустороннего*. В этом же ряду стоит связь изобилия с *нереальным*. Изобилие, как и богатство, – главный признак всего, что связано с миром “тридевятого царства” в народных сказках (скатерть-самобранка, “молочные реки – кисельные берега”, тучные и бесчисленные стада Кошеля или Змея и т.п.). Средоточие изобилия – рай, который в народных легендах представляет собой сад с золотой травой и яблонями, на которых растут золотые яблоки. Хранителями недоступного изобилия являются умершие предки, у которых оно испрашивается. Отсюда устойчивая связь в народных представлениях понятия изобилия с прошлым, “временем предков”, воплотившаяся в представлениях о “золотом веке”, “библейском изобилии”. Вместе с тем в традиционном миропорядке изобилие вполне могло реализовываться в настоящем. Моделью и локусом, которые овеществляют его наяву, является праздник, а его повседневными реализациями предстают праздничное (в том числе свадебное) застолье.

В этом контексте особый интерес представляет выделение в народной аксиологии понятия “богатого стола”, которое употребляется для описания обрядовых застолий, приуроченных к важным точкам календаря и ключевым событиям в жизни отдельного человека и его семьи (вступление в брак, рождение ребенка, поминовение усопших). Название “богатый стол” соотносится с понятиями “большого”, “горного”, “щедрого” стола, которые обозначают и подчеркивают другие существенные для торжественного праздничного застолья признаки. Стол в данном случае осмысливается как пространство, в котором осуществляется изобилие, предназначенное домочадцам свыше, – “Богова ладонь” (Арх.) (СРНГ 1968: 48, 63). Потому и обычный обеденный стол могут называть “Божья благодать” (Шольск. Волог.) (СРНГ 1968: 63), то есть пищевое изобилие – это то, что определяется каждому человеку как “благодать”.

Количественные и качественные параметры “богатого” и “бедного”. Чем же определяется мера “благодати”? По народным представлениям, количество потребляемой пищи и потребность в ней соотносится с состоятельностью человека, выраженной в имуществе и земельном наделе – “выть” (‘пай или надел в земле’, ‘доля по дележу, наследству’, ‘доля пищи, порция’, ‘аппетит, голод, охота есть’). Отождествляясь с участью, судьбой (“*такая на него выть пала*”), *выть* является еще и временным маркером, сканируя время суток по количеству трапез: «У крестьян в рабочую пору три, четыре или пять вытей, но если вытью называют рабочее время от еды до еды, то делят день на три – четыре выти. *В три выти дрова свозил* ‘в один рабочий день’» (Бор. Новг.) (Даль 1880: 322). Поэтому “выходить из выти” – ‘чувствовать голод, истощаться от голода’. О человеке, который часто ест, “не может выдержать до положенного времени приема пищи”, то есть испытывает несвоевременный голод, говорят, что он *не знает выти*, у него *выти нет*, при том, что *выть* – это еще и ощущение голода, аппетит (СРНГ 1970b, 44–45), то есть своевременная, “правильная” потребность в еде.

Понятие “выти” отсылает нас к народным представлениям о “пищевой норме”, которая у каждого человека – взрослого и ребенка, бедного и богатого, работника и бездельника – разная. Отсюда убеждение, что можно *заесть*, то есть присвоить *чужой век* (ср. “выть” как доля, судьба и временной отрезок): “*Свет завидлив, свет обидлив, всяк чужой век заедает*”; “*аль я не рожен, не крещен, аль я чужой век заел?*”; “*век наш короток: заест его не долго*” (Даль 1880: 669). С точки зрения нормативных представлений превышение “выти” предосудительно, но и ее “неисполнение” тоже не одобряется, о чем свидетельствует народная терминология и фразеология, относящаяся к состоянию неполного насыщения: *вполсыта* (“*поел вполсыть да и лег спать*”), *вполтоща* – ‘то же, что впроголодь, но потощее, чем вполсыта. “*Вполсыта еще таки поработаем, а вполтоща полежим*”’, *вприголодь* ‘впроголодь, вполсыта, не надеаясь

досыта, вполтоща’, *всусыть* ‘столько, чтобы быть сыту; лишь бы не голодать’ (СРНГ 1970а: 174, 176, 220) и др.

Человек, который слишком много ест, то есть заведомо превышает число предназначенных ему “вытей”, оценивается резко отрицательно: “*С голоду не мрут, только пухнут, а с обжорства лопаются*” (Даль 1880: 389). Ненасытного человека, обжору называют “адом” (“*так адом жрать-то и кинулся*” (Волог., Вят.) (СРНГ 1965: 203) или “ахидом” (“*экой ахид голодный, не может наестся!*”), то есть так же, как человека злобного, сварливого, завистливого (Яросл., Нижегород.) (СРНГ 1965: 296). Главный атрибут обжоры, так же как и богатыя – огромный живот, поскольку “*голод живота не пучит*” (Даль 1880: 389). Это обычно негативный социальный признак, основание для презрительного или уничижительного прозвища, возможный повод для неприязни и даже ненависти: *брюхоня* ‘обжора, ненасыть, объедала, пузан’, *распустить брюховеню* ‘много есть, пить’, *киловатая брюшина* ‘о человеке, который много ест’, “*еще не жаль мне тебя, князя, со княгиней, / еще не жаль мне бояринов да брюшинников*” (в былине, Беломор.), при том что *брюшинник* – это ‘человек с большим животом, толстобрюх’ (Твер., Костром., Арх., Ярослав.) (СРНГ 1968: 225–226).

“Хорошая” (качественная) или “плохая” пища обычно свидетельствует о принадлежности к “престижной” или “непрестижной” социальной группе: ср. прозвища “мослоглоды”, “гужееды”, “ерешееды”, которые, по мнению Д.К. Зеленина, могут трактоваться как ‘голытьба, бедняки’ (Зеленин 1994: 78). “Богатый” и “бедный” стол у русских, как свидетельствуют этнографические свидетельства разных периодов, отличался в первую очередь по наличию/отсутствию или обилию мясных блюд.

“Пища ежедневная зажиточного крестьянина состоит в скоромные дни: щи с капустой и говяжьей, приправленные мукой, а за неимением говядины щи варятся и из баранины. Вместо щей варят из говядины супы с приправою из картофеля и круп, а иногда приправой служит тесто из муки – лапша. Нередко у богатых крестьян жарят баранину, телятину, говядину и свинину с картофелем, а чаще варят один картофель в сметане и масле. Нередко приготавливаются к обеду каши из пшена, гречи и на молоке из муки. Подается к обеду молоко пресное. <...> Пища бедных крестьян состоит из щей без говядины с приправою капусты и муки, щи приправляются сметаной или молоком. Говядину, баранину и свинину редко варят бедные крестьяне в щях. Похлебки у бедных крестьян бывают из картофеля и грибов, в редких случаях крестьяне покупают горох, пшено, или гороховую муку” (Пошехонский у.) (Русские крестьяне 2006а: 591.).

Признак “бедный/богатый” в данном случае существенно коррелирует с оппозицией “растительная/животная пища”, поэтому утверждение, что “крестьянин питается по преимуществу растительной пищей” (Вологодский у.) (Русские крестьяне 2007а: 512), необходимо понимать скорее как “бедный крестьянин...”. Хотя здесь необходима оговорка, что уровень состоятельности в разных регионах России в один и тот же период существенно различался.

Для бедняков характерно иное качество основного продукта питания – хлеба, что особо подчеркивается его цветовыми обозначениями: белый (“белые булки”) / черный:

“К столу как богатых, так и бедных всегда подается черный хлеб, а у богатых крестьян пироги. Нередко белые булки. Пироги пекутся с говядиной, яйцами и с крупой” (Пошехонский у.) (Русские крестьяне 2006а: 591).

Еще один важный признак – обилие или наличие/отсутствие жирных, “скромных” блюд, что сближает пищу бедняков с постовой.

“Даже молоко у бедных крестьян редко бывает на столе, которое уносится в маслодельни – продают, а получают обратно снятое, с охотою съедают. <...> В общем кушание у бедных крестьян бывает почти всегда постное: пироги пекутся из белой купленной муки, но чаще из своей пшеничной, начинка пирогов картофель и крупа,

политые постным маслом. Но нередко пироги пекутся так называемые “с молитвой”, т.е. пустые. В редких случаях в рабочую пору крестьяне покупают сушь, сухие судоки, горох, гороховую муку и прочие крупы. Крестьяне охотно обрабатывают крупы: жито, овес, рожь, которые идут на приправы с постным маслом. <...> Постный стол у богатых крестьян: щи с рыбой присоленной, сазаниной, севрюгой, судаками, а иногда и с сухим сущем, изредка жаркое из рыбы, жаркое из картофеля, каша с постным маслом. Похлебки делают из картофеля, гороха, и кисели из гороховой и овсяной муки. Пироги из белой муки с рыбой, с кашами и булки” (*Пошехонский у.*) (Русские крестьяне 2006а: 591).

“<...> при недостаточности средств и неразборчивости в пище питаются иногда только хлебом, крупяными щами, картофелем или другими однообразными кушаньями (похлебкою), а всего больше – только хлебом и обратным молоком, которое у кр[естья]н покупают содержатели маслодельных заведений, возвращая первым после выделки масла обратное молоко” (*Грязовецкий у.*) (Русские крестьяне 2007б: 368).

Имитацией “богатого” стола является праздничное угощение, которое выполняет функцию ритуальной демонстрации состоятельности хозяев:

“В праздничные дни пища у богатых крестьян и у бедных сытнее и изысканнее. Недаром крестьяне говорят, приговариваясь к празднику: “Год не вытянется, а в праздник стянешься”. На праздник покупается для стола богатыми и бедными почти каждый домохозяин четверть вина, а богатые полведра и даже ведро для угощения знакомых” (*Пошехонский у.*) (Русские крестьяне 2006а: 592).

“Изобилием кушаний отличаются праздничные дни (время храмовых праздников, летних молебствий в деревнях, масленица и свадьбы). Почетным угощением считаются: кулебяка, в сопровождении водки, мясные щи, ухи из разной рыбы, жареная баранина, жареная рыба и несколько белых крупитчатых пирогов с верховой начинкой из изюма, черники и других ягод, украшенные клеточками из того же теста или, редко, начиненные внутри яйцами и маком, подается к сладким пирогам толченый сахар или сахарный песок. У некоторых богатых угощают конфетами, пряниками и орехами. В мясное воскресенье для зятя теща приготавливает середку или плечо” (*Вологодский у.*) (Русские крестьяне 2007а: 514).

Вместе с тем аналогом “бедного” стола можно считать “походную пищу”, то есть питание в “полевых” условиях – во время выполнения различных сезонных сельскохозяйственных работ, выпаса скота, длительных путешествий:

“Крестьяне питаются более скудной пищей летом, чем в другие времена года, особенно в летнюю страдную пору, когда хлеб, пироги и квас или вода – вся пища крестьянина. <...> Во время летних работ мужики с пашни обедать приезжают домой в 12 часов дня, которые отбивает церковный сторож в колокол; паужинать пища приносится в поле. Во время сенокоса и жнитва обед бывает на месте работ и большею частью состоит из хлеба или пирогов с квасом или молоком, что берется из дому с утра, а если недалеко, то приносится какая-нибудь похлебка” (*Вологодский у.*) (Русские крестьяне 2007а: 514–515).

Голод как социокультурный регулятор в системе “богатый” / “бедный”. Очень важным социокультурным маркером может служить не только изобилие, но и отсутствие пищи. В этом смысле показательно, как переоцениваются понятия “богатый” / “бедный” в периоды дефицита пищи, который касается всех слоев населения. Понятие голода играет важную роль в системе народной аксиологии и является своеобразным пищевым маркером с отрицательным значением (СРНГ 1970б: 315–316). “Голодный” может обозначать ‘пустой’, ‘бесплодный’ (*голодный луг* – ‘луг, на котором растет плохая трава’, (*Вят.*); *голодная навага* – ‘навага без икры’ (*Арх.*)), ‘плохой’, ‘некачественный’ (*голодная мука* – ‘мука из ржаной соломы’ (*Дон.*); *голодный хлеб* – ‘плохой, недоброкачественный хлеб’ (*Ленингр.*)), ‘постный’ (*голодная кутья* – ‘кутья под Крещение’ (*Печор.*)). Более того, *голодовать* или *голодоваться* – значит ‘терпеть нужду’,

‘испытывать недостаток в чем-либо’, причем не только в пище, а *голод* обозначает отсутствие чего-либо.

Отождествление у русских “богатого” и “сытного”, с одной стороны, и “бедного” и “голодного”, с другой, отражено и на уровне языка. Например, *бесхлебить* одновременно обозначает отсутствие или недостаток пищи (‘голодать’) и крайнюю нужду, материальные лишения – ‘беднеть, нищать’ (*Даль* 1880: 78), а *голдоба* одновременно ‘голод’ и ‘крайняя бедность, нищета’, ‘беднота, голытьба’ (СРНГ 1970b: 289).

Этимологическое родство слов “голый” и “голодный” предполагает их связь с семантикой бедности и бесплодия. “Голодай”, “голодан” или “голодарь” – это насмешливо-презрительное прозвище, синонимичное “голодранцу”, то есть неумиющему, бедняку: “*Раменские* [село Раменье] *голодаи хлеба-соли не видали!*” (*Новг.*); “*Ой ты, лешев голодай, хоть бы молчал!*” (*Костром.*); “*Жители Заречья называются в насмешку голодаями*” (*Арх.*) (СРНГ 1970b: 314).

В народном понимании голод является своеобразным мерилем времени и количества пищи, сигналом “уместности” трапезы: “*Ешь с голоду, а люби смолоду*” (*Даль* 1880: 389), то есть приступать к еде нужно только проголодавшись. А это возможно лишь при соблюдении положенных “вытей”. В то же время умереть с голоду – это, собственно, *быть голодом* (*Дон.*) (СРНГ 1968: 356), то есть голод признается не только причиной смерти, но и способом ее материализации, поскольку самый страшный голод – это голод мертвеца. Отсюда выражение *мертвецки голоден*, где “мертвецки” обозначает высшую степень чего-либо (ср. *мертвецки пьян*, *мертвецкий сон*). Такая трактовка вполне понятна, ведь голод в своей крайней форме естественным образом связан со смертью. Поэтому *выморный* – ‘заморенный, голодный’, в то время как *вымор* ‘падеж, мор, гибель людей или скота’ (*Пск., Арх.*) (СРНГ 1968: 313).

Можно говорить о существовании своеобразной “философии голода”, когда народная мудрость фактически оправдывает положение дел, при котором неизбежно появляются люди, испытывающие недостаток пищи: “*Всем досыта есть, так и хлеба не станет*” (*Даль* 1882b: 309). Эти люди противопоставлены “сытым” (“Сытый голодного не разумеет”, “Голодный сытому не товарищ” (*Даль* 1882b: 377; СРНГ 1970b: 314). При этом сытость выступает как знак богоизбранности: “*Кто сыт, тот у Бога не забыт*” (*Даль* 1882b: 377), а голод соотносится не только с теми, кто голодает, но и с бедными, а также ненасытными, прожорливыми, жадными людьми (СРНГ 1970b: 314–315). Фактически это значит, что в народном понимании “голодаи” или “голодари” превысили свои “выти”, а потому несут кару за свою неумеренность и жадность.

С точки зрения народной аксиологии, “пребывание в голоде” является свидетельством полной несостоятельности, неумения заработать на пропитание, лени. Поэтому несмотря на очевидный трагизм голода, над голодающими часто насмеваются, их стратегии выживания подвергаются остракизму. Распространенное на Русском Севере насмешливое прозвище жителей Никольского и Яренского уездов “векшееды” объясняется преданием, “что будто в один из голодных годов жители принуждены были есть мясо векш (белок. – *И.М.*)” (*Арх.*) (СРНГ 1969: 105). Жителей Ветлужского края их соседи нередко обзывали “водохлабами” и дразнили: “*Ветлугаи-голодаи – все заборы оглодали*” (*Костром., Нижегород.*) (СРНГ 1969: 195). В Сибири переселенцев из бывших внутренних губерний России часто называли *гужеедами*, потому что, согласно народной молве, они “такие бедные, что с голоду принуждены были съесть гужи от упряжки” (СРНГ 1972a: 134).

Проголодавшийся ест “не по-людски”, теряя на время человеческие черты и сблизаясь с животными. Например, в западных областях России о проголодавшихся от ходьбы или интенсивной работы могут говорить, что они “выхортались” (от *хорт* – ‘борзая собака’). Поэтому в такой ситуации уместно сказать: “*Выхортался и жрать как собака хочу*” (*Смол., Пск.*) (СРНГ 1970b: 54). В известном смысле слова “голодная” пища – это пища нечеловеческая, “животная”, “звериная”. Поэтому голодающий (“го-

лодай”) в народной пословице соотносится с самым прожорливым и жадным животным – волком: *“Волк – голодай, лиса – лакомка”* (СРНГ 1970b: 315). Отсюда отчасти мифические, отчасти и реальные сообщения об учащающихся случаях каннибализма в районах массового голода, поскольку табу на “нечеловеческую” пищу в этой ситуации оказывается снятым.

Вместе с тем голод может расцениваться и как мерило добропорядочности, своеобразное испытание на умение искупать свои грехи: *“При сытости помни голод, при богатстве убожество”* (Даль 1880: 389). В этом смысле он выступает в качестве некоего аналога религиозного поста. Более того, можно предположить, что такое отношение к голоду сформировалось именно под влиянием христианских представлений о предназначении поста и пищевых ограничений.

“Голодный стол”. “Голодным столом” принято называть различные варианты пищевых ограничений. Это, например, обозначение для стола, за который в учебном заведении дореволюционного периода сажали провинившихся, оставленных без обеда (*Ставроп.*) (СРНГ 1970b: 315). В условиях недостатка пищи подключаются не только реальные пищевые ресурсы, но и воспитанная в течение многих поколений непритязательность и нетребовательность к пище, когда жизнь “на хлебе и воде” – это скорее норма, чем нечто экстремальное: *“Хлеба с брюхо, денег с нужду, больше нам не надо”* (Петерб.) (СРНГ 1968: 224). В этом смысле бедным в голод “легче”, чем богатым.

“Недостаток в харчах, в смысле приварка, не чувствуется особенно. Крестьянин вполне доволен, если он дважды в день напьется чаю с хлебом” (*Грязовецкий у.*) (Русские крестьяне 2007b: 48).

“Лучшей пищей крестьяне называют хлеб, соль, да воду, а остальное – прихоти тела” (*Пошехонский у.*) (Русские крестьяне 2006a: 593).

В одной из сказок, зафиксированных братьями Соколовыми в Кирилловском у. Новгородской губ., этот “пищевой минимализм” обыгрывается в юмористическом диалоге главных героев, один из которых заключен в темнице: *“– Кто летит? – Василей-царевич. – А кто сидит? – Федор-царевич. – Ну, каково же, братанушка, сидеть? – Да не худо. С голоду не уморит, да и насыта не накормит – фунт хлеба да фунт воды. – Эка, паря, вот попали!”* (СРНГ 1968: 153).

В целом голод рассматривается как меньшее зло при возможной перспективе лишиться урожая, а значит обречь себя и свою семью в будущем на голодную смерть: *“Лучше голодать, да бодрым семенем поле засеять”* (Яросл.) (СРНГ 1968: 58).

Наиболее распространенная пищевая стратегия голодного времени – замена дефицитных продуктов питания их аналогами: вместо хлеба используют тонкие блины, начиная их различными дикоросами, вместо мяса – рыбу (*“Все население кормилось рыбой в виду голода, так как хлеба своего было мало”* (Вашк. Волог.) (Памятная книга 1998: 389). В хлеб часто добавляют разные компоненты, в обычное время считающиеся несъедобными или предназначенными в корм животным: вместо ржаной муки употребляют овсяную, в муку подмешивают мучную пыль, лебеду, спорынью, мох или головец – плодовые коробочки льна, лишённые семян: *“Хлеб морозобитный пекут на противнях и мешают белый мох”* (Арх.) (Воспоминания 2006: 692); *“В голодный-то год головец толкли, да в муку подсыпали”* (Влад.) (СРНГ 1970b: 304) и т.п.

“<...> пекут хлеб с высевами, в таком же виде печется и овсяный хлеб, который при иных обстоятельствах идет только в пищу скоту. Наконец, покупается на мельнице мучная пыль, которая сметается с внутренних стен мельницы, и из нее печется хлеб. Худшего хлеба не может быть. Иногда при таких условиях покупается последний сорт муки – кручатки, если, конечно, она дешевле ржаной муки” (*Грязовецкий у.*) (Русские крестьяне 2007b: 48).

“При недостатке хлеба прибегают к следующим мерам. Во-первых, муку не подсевают и едят вместе с отрубями; во-вторых, пекут хлеб из ржаной муки и овсяной

вместе, почти по одинаковому проценту той и другой” (*Вологодский у.*) (Русские крестьяне 2007а: 447).

“<...> если бывает плохой урожай ржи, то кр[естья]не, чтобы продовольствоваться озимовым хлебом круглый год, употребляют взамен [н]его муку из овса, которую подмешивают в ржаную для употребления в хлеб, варят из нее завару на кипяченой воде, кою хлебают с молоком, салом, солеными грибами и ягодами (брусникою) и пекут тонкие блины на сковороде, употребляя в кушанье тоже с солеными грибами, ягодами, сметаною, толченым луком с постным маслом и рыбою” (*Грязовецкий у.*) (Русские крестьяне 2007б: 368–369).

“При недостатке хлеба здесь некоторые покупают обмол, т. е. мучную пыль, на мельницах, другие покупают высевок из пшеничной муки, которые здесь называются “швейкой”. В с. Колягине один крестьянин рассказывал, что однажды, во время сильного недостатка хлеба, многие крестьяне примешивали к муке лебеду, барду и толченую голову от льна” (*Ростовский у.*) (Русские крестьяне 2006а: 371).

Необходимо отметить особую ценность хлеба, ради которого голодающие, как правило, готовы пожертвовать другими, даже более калорийными продуктами. Именно отсутствие хлеба является первым и главным признаком голода: “*Я теперь голодную с семьей: хлеб дорог*” (*Влад.*); “*Два дни голодовали, хлеба нету*” (*Перм.*).

“Был бы только хлеб – мы наедемся и с водой, а нет – так надуемся (нахлебаемся) и обраты с хлебом (обратное молоко), а не то какой-нибудь одной похлебки” (*Грязовецкий у.*) (Русские крестьяне 2007б: 369).

Как уже было отмечено выше, “голодный стол” во многом имитирует ритуальные пищевые ограничения, по качеству и составу блюд во многом приближаясь к посту.

В условиях голода могут существенно изменяться условия, предъявляемые к качеству пищи: “*С голоду Малашке и алашки в честь*” (*Даль 1880: 389*). В повседневное меню включаются и те виды пищи, которые в обычное время имеют статус несъедобных или не предназначенных для людей (“*Голод проймет, станешь есть, что Бог дает*”). “Люди голодают, едят мякину, бус (отходы зерна), куколь (отходы льна), пыж (конопляная мякина), мололи дерево липу и березу и проч., а также едят всякую падаль” (*Вохом. Костр.*) (*Кулагина 2008: 320*). В голодное время в качестве пищи нередко могло использоваться пойло для скота из жидко разведенной муки или отрубей, известное под названием “болтушка”: “*Болтушка – свиней кормят, а в голод и люди ели*” (*Том., Кемер., Иссык-Кульск.*). Необходимо учесть, что в ряде регионов “болтушкой” могли называть разновидности постовых или “быстрых”, то есть изготовленных на скорую руку блюд, употреблявшихся в сезон полевых работ: толокно, жидко замешанное на квасу, употребляемое как напиток (*Волог., Новг., Костром., Вят., Олон., Перм.*); толокно, густо разболтанное в квасу и облитое простоквашей или без нее (*Волог.*); брага с толокном, питье из толокна, разболтанного на квасу, браге или пиве (*Перм.*); мелко нарезанная свекольная ботва, напаренная и заквашенная в квасу (*Ряз.*) и др. (СРНГ 1968: 83).

Еще один важный пищевой ресурс, используемый во время голода, – различные типы съедобных растений и ягод (см., напр.: *Миронихина 2008: 308*), обычно употребляющиеся путниками, вынужденными экономить еду во время длительного путешествия, или детьми в качестве игровых аналогов пищи. В обычное время эти растения нередко используют в качестве дополнения к обычной пище в виде пищевых добавок и приправ, иногда своеобразного лакомства.

«“Пистики” – плодоносные стебельки полевого хвоща (*Equisetum arvense*). Весной, как только сойдет снег с полей, пистики появляются на пашнях, или на горушках. Тут их собирают в корзины и поедают в сыром виде. Этот же самый хвощ имеет, как известно, подземные клубни величиною с вишню, черного цвета, внутри же заключается белая сладковатая мякоть, вкусом напоминает орех. Эти клубни зовутся земляными орешками. Едят сочные стебли больших зонтичных растений *Angelica*

Sylvestris (*Angelica silvestris*) и *Heracleum Sibiricum*, равно и стебель крестоцветного *Bunias orientalis*. Повсеместно едят в сыром виде ягоды черемухи и рябины. Последняя общипывается кистями осенью, когда ее прихватит морозом, и она станет сладковатой; связывается бичевкою в виде столба, вешается на повети и зимою употребляется в пищу как лакомство. Едят также растущий по заливным берегам рек и лугам дикий лук (*Allium Schoenoprasum*). Это действительно вкусная приправа к ухе и т.п. На тех же заливных лугах произрастает дикий чеснок (*Allium angulosum*). Весною же собираются целыми корзинами молодые листья щавеля (*Rumex acetosa*) и едят их сырыми, особенно дети. Само собою разумеется, что такие ягоды, как брусника, черника, голубика и морошка поедаются в сыром виде, как говорится, сколько влезет и едят ягоды калины. Едят и воронику (*Empetrum nigrum*), несмотря на ее сильное мочегонное свойство (народное название этого растения *сика* или *машка-посикашка*)» (Вологодский у.) (Русские крестьяне 2007а: 513).

Бедный и голодный: социальные стратегии голода. При недостатке пищи социум или социальная группа используют разнообразные стратегии выживания. Голод является сильным стимулом для активизации как отдельно взятого индивида, так и всего социума в целом: “Голод не тетка (не теща, не кума), пирожка не подсунет”; “Голод не тетка, брюхо не лукошко”; “Голод не сосед: от него не уйдешь”; “Голод сварливая кума: грызет, поколь не доймает” (Даль 1880: 389).

“Крестьянин, чтобы не пойти по миру, да и не умереть с голоду, зарабатывает кусок хлеба на стороне: берет крестьянскую работу у других, обрабатывает чужой надел; зимой поставляет лес лесопромышленнику, который пользуется его невыгодным положением и всячески старается эксплуатировать его: вместо денег, например, дает ему чай, табак, сахар, спички и водку” (Грязовецкий у.) (Русские крестьяне 2007b: 48).

Судя по многочисленным свидетельствам, в кругу семьи пищевые ресурсы во время голода распределяются достаточно равномерно:

“Пища и в голодное время, т.е. при недостатке запасов и харчей, употребляется в семье за общим столом, без уменьшения таковой кому-либо из членов <...> Голодного в семье тоже никого не оставишь. Когда и нет хлеба, а все делишь поровну всем” (Грязовецкий у.) (Русские крестьяне 2007b: 369).

Вместе с тем практически всегда имеются и некоторые “приоритеты выживания”, то есть большая или лучшая часть пищи может предназначаться либо самым слабым членам семьи или иной группы (дети, старики, больные), либо вносящим наибольший вклад в ее выживание – интенсивно работающие мужчины:

«Заштатные члены семьи, которые не работают, а только лежат на печи, в это время находятся в пренебрежении и часто едят без них, говоря что “хорошо будет, если исправить и не всякую выть”» (Вологодский у.) (Русские крестьяне 2007а: 447).

«В тех семьях, где чувствуется недостаток харчей, хлеб выдается членам семьи уже по выдаче – три раза в день. Старший или старшая в семье держат уже тогда хлеб под замком. Кто в семье больше работает, тому обыкновенно дается и большая доля хлеба. Кто слабее работает сравнительно с другими, немного (старики, хворые и т.п.), того нередко и оговаривают. “Ты-се и поговей, – говорят ему, – немного работал”. Никому из нищих семья эта тогда хлеба уже не подает» (Ростовский у.) (Русские крестьяне 2006а: 371).

Иногда важнее считается “отложенная польза”, то есть оценка возможной роли в выживании тех или иных членов общины в будущем. В этом случае отдается предпочтение детям, а не старикам и больным:

“В случае недостатка хлеба, прежде всего, конечно, отказывают себе в пище, давая ее досыта только детям маленьким. <...> Пища в голодное время распределяется неравномерно. Больше всех получают маленькие, меньше всех – старые” (Грязовецкий у.) (Русские крестьяне 2007b: 48).

Среди самых очевидных и распространенных первоочередных мер – ограничение расходов, экономия и концентрация ресурсов на наиболее насущных нуждах, в первую очередь – на хотя бы минимальном питании.

“При недостатке запасов крестьяне уменьшают хозяйственные расходы и расходы на наряд детям, и на совершение специальных праздников, ограничиваясь одними неизбежными расходами” (*Грязовецкий у.*) (Русские крестьяне 2007b: 369).

«При ощущении недостатка в хлебе крестьяне соблюдают экономию в принятии муки. Все куски и корочки хлеба сами едят, а не отдают скотине, как бывает при недостатке; затем, детям не в урочное время хлеба не дают, говоря, “что только изваляют его”. Поэтому нередко подымается плач у детей о хлебе» (*Вологодский у.*) (Русские крестьяне 2007a: 447).

Крестьяне в этой ситуации предпочитают избавляться от потребляющего слишком много зерна скота, а именно

“продают таковой по самой низкой цене местным скупщикам и частью в ближайших городах, оставляя лишь для себя только то число голов, которое представляется возможным прокормить своим запасом корма, не прибегая к покупке такового на стороне” (*Грязовецкий у.*) (Русские крестьяне 2007b: 368).

“Когда запасы и силы истощатся, когда продаст все, что возможно, то он пускается в оборот некоторого рода. Если нет хлеба, продает корм, и наоборот; а потом за недостатком корма – и коровушку” (*Грязовецкий у.*) (Русские крестьяне 2007b: 48).

“<...> если есть у кого лишняя скотинка или что другое в хозяйстве, то продашь ее и все остальное лишнее и купишь хлебца, а сам пробьешься и не с большой скотиной – лошадкой и коровкою. <...> Скотина – ничто другое – всегда ее можно нажить, можно вскормить и выпоить самому, а с голоду сам умирать не будешь – продашь и весь нажиток, а будешь питаться” (*Грязовецкий у.*) (Русские крестьяне 2007b: 369).

Избавление от излишков скота – лишь часть более общей стратегии “избавления от лишних ртов”. Как правило, именно во время голода резко возрастает социальное давление на “захребетников” и “нахлебников”, то есть тех, кто по тем или иным причинам находится на иждивении других членов группы. Нередко это провоцирует конфликты между членами большой крестьянской семьи (“все семейники показывают <...> какой-то злобный вид и недовольство друг на друга, отчего чаще обыкновенного происходят между [н]ими семейные ссоры” (*Грязовецкий у.*) (Русские крестьяне 2007b: 369), что усиливает стремление входящих в нее семейных пар выделиться в отдельное хозяйство, чтобы выживать самостоятельно.

“Из-за недостатка съестных припасов между членами семьи почти всегда возникают ссоры (особенно, если в семье несколько снох), хотя бы раньше семья эта жила очень дружно. Ссоры происходят главным образом из-за детей: одной снохе кажется, что ее детям дали есть меньше, чем детям другой снохи, она жалуется мужу. Нередко семьи, не думавшие раньше о разделе, при недостатке съестных припасов начинают уже стремиться к разделу. Случается, что муж с женой, жившие раньше очень дружно, при недостатке съестных припасов начинают браниться и драться. Муж укоряет жену, что она дает много хлеба детям, жена укоряет мужа, что он сам много ест и т.п.” (*Ростовский у.*) (Русские крестьяне 2006a: 371).

«При всяком экономическом расстройстве обыкновенно отыскивается в семье виновник, на которого и ложится вся тяжесть нападков остальных ее членов. Называют его обыкновенно лентяем, пьяницей, “расташчи-домок”. Тот, на кого сыплются подобные упреки, защищается тем же, обвиняя и других в том же, и дело доходит до драки» (*Грязовецкий у.*) (Русские крестьяне 2007b: 48).

Детей и других мало пригодных для полезной работы членов общины в этих условиях часто принуждают к нищенству: “Проймет голод, появится голос”; “Голод в мир гонит” (*Даль 1880: 389*).

Именно в голодные времена резко возрастает отток населения из голодающих в более благополучные регионы, поскольку “с голодабы и собака со двора сбежит” (Даль 1880: 389).

“При сильном недостатке харчей нередко все взрослые мужчины данной семьи уходят на зиму на работу в города или нанимаются в работники к более зажиточным крестьянам” (Ростовский у.) (Русские крестьяне 2006а: 371).

Голод вообще является серьезным основанием для ревизии или даже отмены различных социальных привилегий и статусов и различных общественных установлений. Будучи в отчаянном положении, люди начинают рисковать, сознательно нарушая установленные нормы и порядки, порой решаясь даже на воровство.

“Недостаток корма заставляет ездить по сараям, обметать труху сennую, обирать остатка сена, а из *целика* и *воровать даже*, огребать дороги, заставляет спускать солому с крыш домов, овиннов, амбаров и сараев, чтобы потом в измельченном виде употребить ее скоту в пищу” (Грязовецкий у.) (Русские крестьяне 2007b: 48).

Под давлением кризисных обстоятельств люди готовы отказаться от предубеждений и сознательно подвергнуть себя унижению, веруя при этом в готовность окружающих проявить сострадание, воспитанную многовековой традицией подаяния нищим и участникам традиционных обрядовых обходов.

“Брюхо на крюк не повесишь – будешь искать хлеба. Если не хватает его и не на что купить, тогда бросишь все наряды и праздники и пойдешь по миру. Мир – золотая гора и Христос-батюшка пропят и прокормят” (Грязовецкий у.) (Русские крестьяне 2007b: 369).

Среди стратегий выживания привлекает к себе внимание стремление к психологической адаптации в вынужденно унижительной ситуации голода. Отсюда огромное количество народных анекдотов, шуток, острот, обыгрывающих положение голодающих и представляющих иронически-насмешливый взгляд на эту, по сути, трагическую ситуацию (см., напр.: Миронихина 2008: 307). Например, о бесхлебице и голоде говорят: “Одну вздыхаленку едим” (Котельн. Вят.) (СРНГ 1969: 263). Народный юмор помогает выстроить оптимистическую стратегию выживания, основанную на уверенности, что беду удастся преодолеть несмотря на все трудности: “С голоду брюхо не лопнет, только сморщится” (Даль 1880: 389).

Таким образом, сколь это не парадоксально, но голод, как экстремальная ситуация, невольно способствовал интенсификации социально-культурных процессов в русской деревне: усиление миграции населения, распад патриархальной “большой семьи”, вынужденное, но в исторической перспективе позитивное стремление к освоению новых пространств и ресурсов.

Литература

- Воспоминания 2006 – Воспоминания русских крестьян XVIII – I пол. XIX в. / Вступ. статья, сост. В.А. Кошелева. М., 2006.
- Геннеп 1999 – Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. М., 1999.
- Даль – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1880. Т. 2. М., 1881. Т. 3. М., 1882а. Т. 4. М., 1882b.
- Зеленин 1994 – Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994.
- Кулагина 2008 – Кулагина А.В. “Невыносимый голод...” (из дневника костромского крестьянина) // Традиционная русское застолье: Сб. статей. М., 2008. С. 314–323.
- Лотман 2002 – Лотман Ю.М. История и типология русской культуры. СПб., 2002.
- Миронихина 2008 – Миронихина Л.Ф. Народная кухня в голодные годы // Традиционное русское застолье: Сб. статей. М., 2008. С. 306–313.
- Морозов, Фролова 2000 – Морозов И.А., Фролова О.Е. Тема изобилия в русской культуре XIX – XX вв. // Традиционная культура. М., 2000. № 1. С. 91–98.

- Памятная книга 1998 – Памятная книга Дмитрия Ивановича Лукичева // Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь / Колл. авт. И.А. Морозов, И.С. Слепцова и др. М., 1998. С. 388–420.
- Русские крестьяне 2004 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы “Этнографического бюро” князя В.Н. Тенишева. Т. 1: Костромская и Тверская губернии. СПб., 2004.
- Русские крестьяне 2005 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы “Этнографического бюро” князя В.Н. Тенишева. Т. 3: Калужская губерния. СПб., 2005.
- Русские крестьяне 2006а – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы “Этнографического бюро” князя В.Н. Тенишева. Т. 2: Ярославская губерния. Ч. 1: Пошехонский уезд. СПб., 2006а.
- Русские крестьяне 2006б – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы “Этнографического бюро” князя В.Н. Тенишева. Ч. 2: Даниловский, Любимский, Романово-Борисоглебский, Ростовский и Ярославский уезды. СПб., 2006б.
- Русские крестьяне 2006с – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы “Этнографического бюро” князя В.Н. Тенишева. Т. 4: Нижегородская губерния. СПб., 2006с.
- Русские крестьяне 2007а – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы “Этнографического бюро” князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. СПб., 2007а.
- Русские крестьяне 2007б – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы “Этнографического бюро” князя В.Н. Тенишева. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. СПб., 2007б.
- Русские крестьяне 2007с – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы “Этнографического бюро” князя В.Н. Тенишева. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. СПб., 2007с.
- Русские крестьяне 2007д – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы. Материалы “Этнографического бюро” князя В.Н. Тенишева. Ч. 4: Тотемский, Устьсысольский, Устюжский и Яренский уезды. СПб., 2007д.
- СРНГ 1965 – Словарь русских народных говоров. Вып. 1. Л., 1965.
- СРНГ 1968 – Словарь русских народных говоров. Вып. 3. Л., 1968.
- СРНГ 1969 – Словарь русских народных говоров. Вып. 4. Л., 1969.
- СРНГ 1970а – Словарь русских народных говоров. Вып. 5. Л., 1970.
- СРНГ 1970б – Словарь русских народных говоров. Вып. 6. Л., 1970.
- Хлеб 2004 – Хлеб в народной культуре. Этнографические очерки. М.: Наука, 2004.
- Шмелева* 1995 – *Шмелева М.Н.* Традиции и народное питание русских (социальные аспекты) // Русские народные традиции и современность. М., 1995. С. 235–258.

I.A. Morozov. The Food “Rich” and “Poor”: Food Markers of Sociocultural Hierarchies

Keywords: food as sociocultural marker, food norm in traditional use, hunger as sociocultural regulator

The article makes an analysis of traditional notions of the “rich” and “poor” food, which are directly related to sociocultural hierarchies. In folk vocabularies describing celebratory feasts (“rich”, “lavish”, “big” table), there is reflected an understanding of “abundance” as “Divine grace”. An important factor playing the role of a sociocultural regulator was hunger, which substantially altered the content of the notions of “rich” and “poor” and acted as a catalyst for the processes of social stratification, disintegration of the large patriarchal family, and outflow of the rural population to other regions.